

СВЕТЛАНА ЗАМЛЕЛОВА

ПАВЛУША

РАССКАЗ

I

Питерский студент Павлуша Чапиков приехал на зимние каникулы к родителям. Гостил Павлуша с удовольствием.

Дом у родителей большой, тёплый и помещается на высоком холме, так что из окна в кухне открывается вид на монастырь и пруды.

Павлуша устраивался на кухне у печки и, подперев ладонью подбородок, с каким-то тихим, точно притаившимся, блаженством разглядывал замёрзшие и заснеженные пруды с разбегающимися дорожками следов, деревья, прячущиеся под голубым игольчатым инеем, монастырское золото на храмах и башнях. Вечернее солнце расплёскивалось на куполах, запускало лучи в каждую складку колокольни, отчего казалось Павлуше, что колокольня, светящаяся изнутри, висит, плавно покачиваясь, в воздухе.

Когда Павлуше надоело смотреть в окно, он отправлялся в свою комнату читать или во двор расчищать от снега дорожки. Как-то они с отцом лазали на крышу сбрасывать слежавшийся, нависающий снег, похожий на свечной нагар. И когда Павлуша, обвязанный верёвкой, сбивал палкой сгнётки снега, он думал, что сам ни за что бы не догадался проделать эту работу. Но здесь, в доме родителей, всюду чувствовался порядок, заведённый мамой. И подчиняться этому порядку было приятно. Когда они с отцом спустились с крыши, мама позвала их обедать. И после мороза, после опасной и трудной работы они с наслаждением обжигались щами...

Павлуша давно уже понял, что отцу необыкновенно повезло встретить маму. Сколько раз женился Павлуша — только официально за десять лет было заключено три брака — и никто не любит Павлушу так бескорыстно,

ЗАМЛЕЛОВА Светлана (Макеева Светлана Георгиевна) родилась в г. Алма-Ате. Окончила Российский государственный гуманитарный университет. Автор книг "Гностики и фарисеи", "Приблизился предающий..." и других. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

как это умеет мама. Всё чего-то ждали и требовали. Первая жена Павлуши, Леночка, требовала близости, как червь ненасытимый. Этим она наипаче и пленила Павлушу, который не уставал повторять тогда, что более всего ценит в женщине темперамент. Вместе с Леночкой Павлуша учился в одном классе. После школы они поженились, и Павлуша не стал поступать в институт, а пристроился следом за Леночкой на работы в коммерческий магазин. Ночами Леночка сгорала от страсти и так самозабвенно отдавалась ласкам, что наутро Павлуша с трудом продирает глаза. Ничего другого Леночка не предлагала и предложить не могла. И однажды Павлуша, к удивлению своему, обнаружил, что неутомимая жена его, снедаемая сладострастием, страшно ему надоела.

Павлуше и представить себе не мог, чтобы мама надоела отцу! Отец, маленький, скукоженный человечек с застывшим в глазах возмущением, точно вопрошающий у каждого встречного: “Что вам всем от меня надо?”, считал свой брак большой удачей. Что ни затевала жена, он со всем соглашался, потому что неразумного она никогда не затевала.

Павлуша и сам невысокого роста, но зато красиво сложен, с ясными синими глазами и белоснежной улыбкой. Поэтому женщин вокруг Павлуши всегда было много. Павлуша знает в них толк, как некоторые люди знают толк в лошадях или собаках. Но Павлуша не стал бы добиваться любви неприступных женщин. Пусть лучше его избранница будет не слишком хороша и блестяща, лишь бы любила его и ничего не требовала. А уж как Павлуша сумел бы ответить! Как он умеет любить! Разве вторая его жена, Аннушка, могла пожаловаться? Ей ли быть недовольной? Её ли не любил Павлуша?

Они познакомились в кулуарах питерской Академии художеств, куда Павлуша явился, чтобы поступить в мастерскую монументальной живописи. В тот день Павлуша завалил композицию и, отвергнутый монументалистами, слонялся уныло по этажам. С Аннушкой они столкнулись случайно. Аннушка выронила какие-то тетрадки, и Павлуша бросился помочь, а в ответ услышал тихое:

— Спаси Господи...

Длинные русые волосы Аннушка носила на прямой пробор и забирала их сзади в косу. Маленькая и худенькая, с бледным узким личиком и огромными бледно-голубыми глазами, Аннушка имела вид кроткий и незлобивый. И Павлуше показалось, что это та самая кротость, которая не ищет своего.

Они разговорились. Оказалось, что Аннушка на пять лет моложе Павлуши, а между тем уже год отучилась в мастерской церковно-исторической живописи. Павлуша рассказал Аннушке о своих неудачах, и она посоветовала ему молиться блаженной Ксеньюшке — “ведь она такая скоропослушница”.

— Вы бы к нам поступали... на церковно-историческую... — тихо и с нежной улыбкой сказала Аннушка.

На другой год Павлушу зачислили в богомазы.

Когда решалась судьба с Павлушиным зачислением, Аннушка три часа кряду молилась коленопреклоненно в соседнем с Академией храме Апостола Андрея Первозванного.

Скоро они расписались, обвенчались и поселились вместе в комнате, которую сняли здесь же, на Васильевском острове, у злой старухи.

Уж как они хорошо с Аннушкой жили! Всё-то вместе! Утром на учёбу, вечером домой. А в воскресенье Аннушка платочек повяжет, и по святым местам. Побывали в Троицкой лавре и в Александро-Свирском монастыре. А уж к блаженной Ксеньюшке в часовенку без счёту ездили. А в Троицкой лавре прямо на братский молебен поспевали — к пяти утра. Очень уж Аннушке у отца Наума благословиться хотелось, а днём, когда паломники да туристы нахлынут, разве пробыть к нему? На третий день только довелось с отцом Наумом свидеться. Так на паперти его и дожидались. А лишь показался отец Наум, Аннушка птичкой вспорхнула, и к нему:

— Благословите, честный отче!..

Получила благословеньице и просияла. И Павлуша вместе с ней. То-то радость была!

Как-то в разгар лета ходили с крестным ходом из Борисоглебска к святому источнику. В пути были несколько дней и ночевали в деревнях. И Павлуше показалось, что время остановилось, и что так же крестным ходом шли

здесь и сто, и двести лет назад. И так же пекло солнце, так же донимали слепни, так же умильно плелись акафисты. Народу вокруг было много, но Павлуше никто не нравился. И смирение, и умиление верующих почему-то представлялись ему фальшивыми. Женщины были на удивление несимпатичные, мужчины — неопрятные. Павлуше приходило на ум, что все они только хотят верить, но настоящей веры не имеют. И в церковь идут не за Богообщением или чем-то в этом роде, но бегут от неудач в миру и, как изощрённые сладострастники, ищут особенных духовных удовольствий. Но окружающие часто мешают тем, кто ищет удовольствий. Вот почему злы нечестные дядьки с хоругвями и некрасивые тихогласные тётки в ацетатных платках. Павлуша поглядывал на Аннушку, и ему казалось, что Аннушка не видит того, что видит он, и не задумывается ни о связи времён, ни о несхожести христианства и христиан.

Но, возвращаясь с богомолья, Павлуша чувствовал себя легко, ничего не тяготило его сердца, забывались все обиды, люди вокруг начинали казаться милыми. И Павлуша искренно не понимал, как ещё недавно он исхитрялся находить повод, чтобы осуждать хоть кого-нибудь. Что-то внутри Павлуши — наверно, душа, — приходило в порядок и, по сравнению с обычным состоянием, когда этот невидимый внутренний орган напоминал стакан с мутной, взбаламученной водой, взвесь оседала, и вода делалась спокойной и прозрачной. И Павлуша был благодарен Аннушке за то, что она ввела его в новую, незнакомую раньше жизнь.

3 августа, когда Павлуша с женой гостил в Курске у тёщи, из дома пришло письмо. Мама писала, что надумала продать дом: "...Батяня не возражает. А как продадим, купим две квартиры. Вам с Аннушкой в Питере, а нам и здесь хорошо будет..."

Павлуша хотел обрадовать Аннушку и тещу и прочитал им письмо. Но радость новость не вызвала.

— Да вы что... — всплеснула руками тёща, — с ума, что ли, сошли? Дом продавать!.. Вот искушение-то, батюшки!

— Павлуша, — заволновалась Аннушка, — напиши... позвони своей маме... скажи, пусть не продаёт. Скажи, что ты против. Ты тоже... ты того... ты право имеешь!.. Вот искушение!

Павлуша очень удивился. Во-первых, его призывали перечить матери, чего он никогда не делал, во всяком случае, в делах, касающихся хозяйства. А во-вторых, он не слышал ещё от Аннушки такого разговора.

— Нам же с тобой квартиру купят, — попробовал он возразить.

Но ни Аннушка, ни тёща его не слушали.

— Да на что мне твоя квартира! — вспыхнула Аннушка. — Вот заладил: квартира!.. квартира!.. И сиди век с тобой в этой квартире!

— Ну вот я в квартире сижу, — подхватила тёща. — Чего хорошего?

Обе они стояли перед Павлушей, подбоченясь, обе покраснелись и, выпучив глаза, выкрикивали, точно выстреливали, в лицо Павлушке обидные слова, то и дело восклицая по очереди: "Искушение!" Так они друг друга подбадривали и до того разошлись, что окончательно перестали владеть собой.

— Да ты понимаешь ли, — кричала тёща, — что сам никогда такого дома не выстроишь! В центре города, монастырь рядом... Господи помилуй! У вас, чай, и земляца есть? Поставь флигелёк, сараюшку с печкой, полати приколоти — вот тебе и дом страннопримный! Принимай паломников!.. Да что сараюшка — гостиницу можно! А квартира?.. Искушение!.. Ты семью-то прокормишь квартирой?

— Какую семью? — злобно хныкала Аннушка. — Он и кошку не прокормит! Живём почти впроголодь, а он хоть бы пальцем двинул, чтобы работу найти. Захребетник!..

Павлуша всё слушал и не мог в толк взять: чего они так разорались? Конечно, жили Павлуша с Аннушкой небогато, но денег всегда хватало: то родители помогут, то Павлуша этугод выгодно пристроит, а там и стипендия подоспеет. И Павлуша думал, что им с Аннушкой, как ищущим прежде Царства небесного, всё остальное прикладывается. И был уверен, что так будет всегда.

Но Аннушка не унималась:

— Я аборт сделала, — причитала она, — грех-то какой из-за него на душу взяла! И на другой бы пошла, чтоб дети мои с голоду не мёрли...

— Искушение! — подхватила тёща.

Ничто, ни даже внезапная перемена в Аннушке не могли ранить Павлушу так больно, как страшное признание, сделанное так небрежно, походя. Павлуша вдруг понял, что кроткая жена его в одночасье ему опротивела, и дотронуться до неё теперь значило бы для Павлуши то же самое, что поцеловать жабу.

Прямо из тётчиной квартиры Павлуша уехал к маме. Вскоре они развелись с Аннушкой.

II

В третий раз Павлуша женился через год. Новая избранница его, Оленька, училась на реставратора. Павлуше уже исполнилось тридцать, а Оленьке только двадцать один, но никто из них не чувствовал этой разницы. Взявшись за руки, они гуляли по Летнему саду, и Оленька говорила, что Врубель гораздо талантливее Репина. Павлуша, хоть и признавал Оленькину правоту, но про себя думал, что рассуждающая об искусстве женщина смешна, и вообще, живопись для женщины — баловство. И что Оленька, должно быть, где-то вычитала свои суждения или услышала от ребят с курса.

Оленька — хрупкая шатенка с тёмными восточными глазами — представлялась Павлуше необыкновенной красавицей. И все почти деньги Павлуша тратил на цветы для неё. Оленька умилялась до слёз и говорила, что ей никто ещё не дарил столько цветов. А потом перестала умиляться.

Расписавшись, они стали жить с родителями Оленьки. Новая Павлушина тёща работала в Эрмитаже и первая подняла вопрос о трудоустройстве зятя.

— Вот что, Павел, — объявила она Павлуше. — Ты со своей церковной живописью намыкаешься. Переводись-ка, давай, на реставрацию. Я и на работу тебя всегда всегда пристрою, и платят реставраторам неплохо, и к Оленьке ближе будешь. Да и учиться там легче...

Павлуша подумал немного и засуетился, забегал по кабинетам Академии. Учебный год только начался, и Павлуше пришлось уйти в академический отпуск. Зато на следующий год они с Оленькой оказались на одном курсе.

Скрынников — преподаватель, от которого Павлуша сбежал к реставраторам, — не хотел и здороваться с бывшим учеником своим. Только однажды, узнав о затее Павлуши, он молвил сурово:

— Вы разочаровали меня, Чапиков. Живопись это опасное занятие, ибо художник конкурирует с Богом. Но вам, как вижу, такое не по плечу. Для Художника вы слишком суетны. Вы подмалёвщик, Чапиков. И правильно делаете, что покидаете нас...

Павлуше стало обидно от слов профессора, но потом вдруг ему открылось скромное обаяние момента. Павлуша увидел себя даровитым, но нерадивым студентом. Сам Скрынников убивается, не в силах спокойно смотреть, как Павлуша расточает свой гений, принадлежащий по праву всему человечеству. Но Павлуша счастлив сознанием того, что жертвует собой ради любимой женщины. К её ногам он готов бросать не только охапки цветов, лишь бы ей было хорошо рядом с ним.

Новая семья очень нравилась Павлуше. Вечерами они собирались за маленьким круглым столом на кухне и разговаривали. Оленька рассказывала об Академии, тёща — об Эрмитаже, а тёсть — отставной морской офицер — о том, как Абрамович продал Америке серебряный рудник на Чукотке.

Так прошёл год. Павлуша учился вместе с Оленькой, подрабатывал в реставрационных мастерских и даже, по протекции тётчи, расписывал потолки и стены старинного особняка в Итальянской улице, выкупленного у города какими-то дельцами из Сургута. В особняке предполагалось устроить что-то вроде Дворца Съездов, поэтому перед Павлушей и прочими художниками стояла задача придать помещениям как можно более торжественный вид. Заказчики желали видеть на стенах коней с разлетающимися гривами, а на потолках — амуров со стрелами. Выходило пошло, и кое-кто из художников роптал, но утешались тем, что по Сеньке шапка и что в особняке теперь не

князя будут жить. Когда работа была окончена, некоторым из художников, в том числе и Павлуше, заплатили вдвое меньше обещанного. С остальным просили подождать. Но поскольку договорённость была лишь на словах, все понимали, что ждать больше нечего. На том и разошлись.

Спустя несколько дней Павлуша нашёл в кармане куртки странную записку. *“А где ж золотые горы, обещанные Вам за то, что расписали тельца золотого храм?”* — писал аноним. Павлуша перечёл записку и решил, что написал её кто-нибудь из богомазов. Может быть, даже Аннушка. А на другой день он снова нашёл записку: *“Там лошади пасутся, там ангелы трубят, и жёны молодые там верность не хранят”*. Сердце Павлуши ёкнуло, и вдруг точно кто-то отдернул перед ним занавес кукольного театра, и задвигались, заплясали куклы в декорациях.

Павлуша помчался в особняк. На первом этаже, в небольшом зале Павлуша нашёл Оленьку и какого-то хлыща в дорогом костюме. Когда Павлуша открыл дверь, они собирались целоваться, но, заметив Павлушу, отскочили друг от друга, как однополюсные заряды.

Павлуша схватил Оленьку за руку и потащил домой. На улице произошло между ними объяснение. Оленька начала было оправдываться, но потом, точно сообразив, что ей это ни к чему, выдернула свою руку из Павлушиной и остановилась.

— А знаешь что? — сказала она, сощутив свои восточные глаза. — Мне нужен другой человек... Понятно? Мы ведь с тобой вагон и маленькая тележка... Я вагон, — она ткнула себя пальцем в грудь, — а ты тележка. Только мне уже надоело тебя тянуть. Понимаешь?

На другой день Павлуша съехал от Оленьки.

III

А сколько их было, этих Оленек, Леночек, Аннушек, Маришек... И всегда одно и то же — то им предложить нечего, то тянуть они не хотят. Вот мама всегда всё знает и сама всё подскажет: строить ли дом или продавать, дружить ли с кем или ругаться, сбрасывать снег с крыши или косить траву. Отцово дело солдатское — несёт себе службу, и голова ни о чём не болит. Отец сыт, пьян и нос в табаке. Мама и накормит, и постирает, и рублём никогда не попрекнёт...

...После щей были домашние пельмени, и мама сказала, что в одном спрятан сюрприз на счастье. Павлуша с отцом развеселились и набросились на пельмени. Сюрприз достался Павлуше — в одном из пельменей оказалась карамелька.

— Значит, счастливый ты у нас, — сказал отец.

Но Павлуша только усмехнулся: карамелька попала к нему по ошибке. Уж если кто и счастливый, так это отец.

После обеда все отправились в гостиную, мама включила телевизор, и Павлуша с отцом уселись рядышком смотреть кино. Потом ужинали все вместе и обсуждали фильм. Потом Павлуша отправился в свою комнату и забрался под одеяло. Чистое, накрахмаленное бельё хрустело и пахло мылом. Павлуша нежился в душистой постели и думал, что нет большего удовольствия, чем сон. В окно к Павлуше заглядывал новорожденный месяц, окружённый ослепшими от мороза звёздами. Мало-помалу в доме всё стихло, и воцарилась тишина. Слышно только Павлуше, как в кухне мерно отсчитывают шаги часы-ходики.

Под топоток часов Павлуша засыпает, и снится ему дивный сон. Видит Павлуша, будто родители куда-то уехали, и он в доме один. Но всё, что окружает Павлушу, всё, к чему ни прикоснётся он — всё это... мама. Прижмётся ли к печке — к маме прижался. Присядет ли на софу — к маме на колени присел. Возьмёт ли почитать книгу, чаю ли захочет выпить, взглянет ли на часы-ходики — всюду мама!

Павлуша просыпается растревоженный и не понимает, что значит его видение. Но в комнату к Павлуше с чёрного, морозного неба глядит месяц, от постели пахнет цветочным мылом, ходики на кухне, как почётный караул, не собьются с шага.

Тревога утихает, и слышит Павлуша, как за стенкой беззаботно, точно от удовольствия, храпит отец.